

Марина СТРУКОВА

г. Москва

**«Между
небом
и мной...»**

(О поэзии В. Шемшученко)

Стихи, которые народ ценит и запоминает, всегда о любви: к Родине, Богу, человеку.

Владимир Шемшученко распахнул ворота своей поэзии для простых людей и обыденных ситуаций. Но, как всякий талантливый творец, рассмотрел в образах обыденных приметы вечности, Божью искру и суть русской истории.

Ранний опыт главного лирического героя суров и, кажется, автобиографичен. Впрочем, автор должен уметь смотреть на мир глазами выдуманных персонажей: «Любил я блатные словечки / И драки квартал на квартал. / И жизнь не плясала от печки, / А волчий являла оскал». Водка, драка, осознание одиночества среди дикого размаха евразийских просторов – пульс реальной жизни: «Юность в отчем краю бесшабашной была – / наше вам... из карлаговских мест. / Я из дома ушёл, закусив удила, / А очнулся – трелёвка окрест. / Я погнал своё время, пустил его вскачь – / Эка невидаль – лесоповал! – / Ел подёнщины хлеб, пил вино неудач, / Протрезвившись, ещё наливал».

В упоминаниях о лагерях, татуировках, отсиженных родных и друзьях невольно замечаю интонации шансона. Поэт утверждает, что не любит блатных песен, однако стихи говорят обратное, может, просто признаваться в симпатии к шансону – дурной тон?

Но в народе такие песни популярны. Тем более что у поэта это лишь поверхностный слой рискованного опыта, скрывающий глубину философских смыслов.

Мы прослеживаем путь лирического героя далее. Узнаём, что вырос он в Азии, но всегда чувствовал себя чужим на Востоке. Время раскола СССР отразилось на его судьбе, вынудив уехать в Россию. В стихах, где упоминается Восток, я не вижу ностальгии, скорее страх перед ним, подступающим к русскому миру. «Южный ветер хохочет в трубе водосточной, / по-разбойничьи свищет и рвёт провода... / все назойливей запахи кухни восточной, / но немногие знают – так пахнет беда». «А нечисть ползла и ползла, / душа цепенела от страха... / и вот – ни кола ни двора, и русские верят в Аллаха».

Но есть и «старый казах, который не выдал толпе иноверца». И констатация исторического возмездия: «Смейтесь, братья мои! Нам ли нынче стонать и сутулиться! / Смейтесь, сёстры мои! Вы затмили достойнейших жён! / Посмотрите в окно... Кто метёт и скребёт наши улицы? / Это дети оравших до времени: «Русские, вон!»

Изображение коллизий повседневности, её конфликтных узлов, разрушаемых авторской строкой, придаёт творениям Владимира Шемшученко подлинную мудрость:

«О высший смысл земного бытия – / в величии

своём неповторимый / и в низости своей необозримый, / в сравнении с тобой что значу я?»

Столь возвышенное и вдумчивое отношение к жизни часто обрекает на скитание и непонятость окружающими, оглушенными материализмом: «Одиночество – оно страшнее плена, / ведь не каждому дано писать навзрыд. / Не горит в печи намокшее полено – / Одинокое полено не горит». Порой поэт обречён на пожизненное заключение в виртуальной одиночке. Но лирический герой Владимира Шемшученко после испытаний находит любовь: «Ничего я тебе не скажу. / Я тобой безудержно болею, / И желаю тебя, и жалею, / И дыханье твоё сторожу... / Чиркну спичкой – и станет светло, / И в оконном стекле отраженье / Передразнит любое движение, / И рука превратится в крыло». Семья становится приютом души, где находит отдохновение и силы для самоутверждения в мятущемся мире: «Вокруг Горького и Содом. / Сегодня это многим нравится. / А у меня жена и дом. / Жена, как в юности, красавица». Многие стихи посвящены детям и женщине его судьбы. Мир семьи вдохновляет и даёт надежду. Замечается лирика в повседневности, в течение жизни с её очарованиями, разочарованиями, разлуками и воспоминаниями. Отдельно стоит упомянуть о том, что и о домашнем зверье – собаках и кошках – Владимир Шемшученко пишет с есенинской теплотой и сочувствием. Кавказская овчарка, на которой остались шрамы войны, котёнок, подобранный синишкой, бродячий пёс.

«Пёс отскочил от протянутой мною руки – / Били, конечно, когда доверялся прохожим... /

Воет метель, беспощадно диктует стихи, / И напевать ей, что псы и поэты похожи».

«Жаль, что век твой недолог, – / совсем уже морда седая. / Я прошу тебя, псина, от смерти беги со всех ног. / Ну а если уйдёшь, ты достойна собачьего рая – / У меня на руках абрикосовый дремлет щенок».

Но уют сиюминутных домашних впечатлений никогда не заслоняет великий и опасный путь страны. Традиционное для русской поэзии осознание связи поколений серьёзно осмыслено в стихах В.Шемшученко. У поэта – собственная судьба, но в ней – отзвуки судеб деда, отца, всего русского племени. Эти нити вплетены в полотно истории, в бескрайний гобелен с трагическими сюжетами былого: «Донос. ОГПУ. Расцвет ГУЛАГа. / Руби руду! Баланду съешь потом... / Мой дед с кайлом в обнимку – доходяга. / А я родился... в пятьдесят шестом. / Война. Концлагерь. На краю оврага / Эсэсовец орудует хлыстом... / Отец с кайлом в обнимку – доходяга. / А я родился... в пятьдесят шестом». Раздумья о судьбах России не могут оставлять человека в стороне от знаковых для неё событий, ответственности за происходящее. Даже если ты –

не представитель властной элиты, а винтик, на её взгляд. Нравственные традиции русской классики, включающие в себя разграничение света и тьмы, добра и зла, вдохновляют авторскую волю к битве за свои идеалы, которые одновременно являются и идеалами народными. Любовь рождает ответственность за любимое. Поэзия такого типа помогает в сближении с религией, конечно, при условии, что читателю она изначально близка: «Бегут высоковольтные столбы, / За поездом, кочующим по свету. / Восходит сердце к Новому Завету, / А разум ждёт возмездия судьбы».

Тема русских городов с их индивидуальной мистической аурой и исторической судьбой занимает заметное место в творчестве Владимира Шемшученко. Кажется, сердцем он выбрал северную столицу. Конечно, обращения к Москве и Петербургу, их описания не лишены печальных примет времени. Но всё же в стихах о Петербурге чувствуется больше романтизма: «Я завидую тем, кто родился у моря. / У людей в Петербурге особая стать. / Я стою на мосту в одиночном дозоре / И учусь по слогам этот город читать. / Свирепеет зюйд-вест, и вода прибывает, / Застонали деревья в окрестных лесах... / Я представить не мог, что такое бывает: / Город в море выходит на всех парусах!»

Бывает, проскальзывает горькая ирония в стихах о Петербурге:

«...Приветствую тебя, моя столица, / шурушьем деревянного рубля. / Сегодня ты на диво хороша. / Большому кораблю – большая свалка».

Но всё-таки в строчках о Москве больше отстранённости, поэт держит дистанцию: «Подкрался унылый трамвай, / загаженный свежей рекламой. / Ещё не дописанной драмой разит из метро наяву, / И чтобы в сердцах не назвать / Столицу купринскую «Ямой», / Я сразу спасительно вспомнил, / Что в Санкт-Петербурге живу».

Больше живого сочувствия в стихах, обращённых к Северной Пальмире: «Дождь на Неву опустился с утра. / Пушка ударила в небо. / Дремлет страна, а в кармане – дыра, / Значит, не будет хлеба. Не удалось ничего накопить / Выходцам из барака... / Смирно «Аврора» сидит на цепи, / Словно больная собака».

А вот о Москве говорится словно из чувства долга, но без ощущения душевной близости. Она, потерявшая былую святость матери городов русских, пронизанная враждебными энергиями, чужда простому человеку. Он согласен даже на её сожжение, веря, что на пепелище восстанет новый град: «Гуляй, Вавилон! Разбазаривай грады и веси! / Гони русский дух и поэта гони, аки пса, / Но помни о том, что бесстрастно грехи твои взвесит / Всесильный Творец и

падут на тебя небеса. / ...О, как ты был прав, поджигатель Москвы неизвестный. / Вернись сквозь века и сверши, что тебе суждено. / А люди придут, осеняясь знаменем крестным, / И стены поднимут, и в пепел уронят зерно».

Москва столь осквернена, что её нужно развеять пеплом и создать с нуля. А Петербург сохранил живую душу.

У Владимира Шемшученко много размышлений о назначении поэзии и роли поэта в эпоху разочарований и эгоизма. Творческая личность у Шемшученко – сильная натура, взыскующая идеального мира, страдающая от несовершенств мира реального. Страстные, резкие обличения бросает он современникам, обвиняя их, призывая к духовному возвышению. Но и себя не щадит. Обречённость талантливого человека, призванность его служить высшим истинам – беспощадна: «Была бы на то моя воля – / Ни строчки бы не написал!» Он прямолинеен и чеканит строки как лозунги: «Всяк за своё ответит. / Каждому – свой черёд. / Слово, если не светит, – / Запечатает рот... Пуля – она не дура, / А провиденья рука. / Да здравствует диктатура / Русского языка!» Позиция поэта-обличителя идёт от пушкинского «Пророка», от пушкинских укоров власти и толпе.

В стихах Шемшученко нет искусственной условности формы, заведомой неясности выраженной мысли. Как в стихотворении о казачьей песне: «Все так просто, по-русски, без глупых прикрас». А минорный фон многих лирических сюжетов создан трезвым пониманием безрадостной действительности: «Мысль превращается в слова, / Когда, безумием объятый, / Ты слышишь, как растёт трава / Из глаз единственного брата, / Когда ночей твоих кошмар / Впивается в неровность строчек, / Когда о край тюремных нар / Ты отобьёшь остатки почек, / Когда кружит водоворот, / Когда не объяснить событий, / Когда копаешь, словно крот, / Нору в осточертевшем быте».

Но если ты поэт, то отвечаешь не только за себя, но за связь земли с небом. «Между небом и мной неразрывная нить». Поэт как жрец, как пророк, осознающий свою человеческую малость и слабость, но борющийся с ними. Сильный и трагический характер. Показывает мир погрязшим во грехе, но вновь и вновь пытается спасти его в творческом усилии, заклиная стихами: «Слышащий – да услышит. / Видящий – да узрит. / Пишущий – да напишет. / Глаголящий – повторит». Слово придаётся смысл магический, нет, скорее молитвенный. Не всякий талант воюет на стороне Бога: «Не заглядывай в бездну, поэт, – / Жизнь земная всего лишь минутка. / Расскажи, как цветёт незабудка, / Поднебесья вобравшая цвет». Не заглядывать в бездну – это очень по-хрис-

тиански, но, на мой взгляд, излишне осторожно для вольного творца. Заглянуть и остаться прежним – это ли не испытание для сильного характера?

Шемшученко много размышляет о судьбе слова в наше время: «Золотые слова растащило по норам ворьё, / И аукнулась нам бесконечная наша беспечность». «Позарастала жизнь разрыв-травой. / Мы в простоте сказать не можем слова. / Ушёл, не нарушая наш покой, / Безвестный гений, не нашедший крова». «Как в ржавых механизмах шестерёнки, / Скрипят стихи – поэзия мертва... / Мы днём и ночью пишем похоронки / На без вести пропавшие слова».

Он думает о других поэтах. О бунтарях, ушедших, «не умея служить и прислуживать», и их антиподах, в которых я узнаю некоторых патриотов, распинающихся о любви к России, не православных, а православствующих, действующих с оглядкой на власть и спонсоров:

«Врачуем людские пороки / За предполагаемый греш. / Нам влепят вселенские строки / За вечную трусость и ложь». Показывает мир погрязшим во грехе, но вновь и вновь пытается спасти его в творческом усилии, заклиная стихами. Должен создавать альтернативу распаду, унынию, согласию толпы со злом: «До хрипоты с судьбою / Спорь, не теряй лица. / За женщину – только стой! / За Родину – до конца!» Слово придаётся смысл магический, нет, скорее молитвенный: «В урочный час последыши стиха / Россию оправдают перед Богом».

Ценность родной речи тем выше для Шемшученко, что он вернулся на родину из чужого, ставшего враждебным края. «Не то чтобы нас пригласили – / Скорее наоборот. / Но мы приезжаем в Россию / Из всех суверенных широт... Над мыслями нашими властвуй. / Пришли мы к тебе налегке... / Как сладко сказать тебе: «Здравствуй!» – / На русском своём языке». «Коль написано на роду / В Петербурге мне быть поэтом, / Не воспользуюсь я советом: / «Да пошёл ты в Караганду!»

Тема речи перекликается с темой молчания. Это две стороны одной медали для творческого человека, который изнемогает от борьбы с равнодушным миром и порой отчаивается. Разочарование прорывается на страницы: «Я на ночь не читаю нестихи, / И днём я их обычно не читаю – / Вместителям словесной шелухи / Молчанье звёзд теперь предпочитаю». Или: «Переосмысливаю быт. / Переиначиваю строки. / Когда горланят лжепророки, / Поэт молчаньем говорит».

Неоднократно встречается этот мотив у Владимира Шемшученко – констатация бессилия поэзии, которая не может изменить мир: «Стало страшно читать и писать, / К нелюбови людской прикасаться – / Потерявший желанье спасать / Обретает желанье спастись...»

Спит дочурка, спит маленький сын. / Ночь звезду за звездой зажигает. / Разжигаю стихами камин. / Мне жена помогает».

Но момент уныния проходит. Это как отступление на войне, после которого наступление ещё яростнее: «А я всё хмурю брови / И лезу напролом – / Поэзия без крови / Зовётся ремеслом». «Мне только бы мысль не спугнуть, / О главном поведать, о новом... / Сказать, а верней, полоснуть / По нервам отточенным словом». Русское правдоискательство, жажда народной правды пронизывает монологи автора, чей взлёт пришёлся на времена кардинальных исторических перемен и социальных катаклизмов. Чувствуется в его строчках волевой напор и уверенность в своих силах. В чём сила? Сила его песен от матери-земли, от господнего неба, от песен, даже от печалей, которыми богат человеческий век. Нужно только уловить эту незримую энергию. И пусть экзистенциальные открытия поэта – следствие личных неурядиц и катастроф современности, нравственная и эстетическая ценность высоких порывов души от этого нисколько не уменьшается. Ведь главное – вывод, к которому приходит человек: «Не желаю стихи, как жаркое на блюде, / господам подавать, демонстрируя прыть. / Если я упаду, ничего мне не будет, – / Между небом и мной – неразрывная нить».

Взаимоотношения Поэта и Бога важны для Владимира Шемшученко, Бог этот – христианский, православный, чья природа сродни человеческой – рожденный от земной матери и распятый за людские грехи.

«Блажен, кто по ночам не спит / И времени не замечает, / Кто сыт пустым недельным чаем, / Кто знает – ДУХ животворит... / Блажен, кто верюю горит / И в этом пламени сгорает, / Кто на путях земного рая / Взыскует скорбь в поводыри».

Христос близок русскому поэту, потому что так же знает, что такое боль, оставленность, жертвенность. С Христом поэт чувствует себя способным защищать народ, справедливость, честь и славу Родины. «А за песней и к небу России / Кто-нибудь да поднимет глаза». О чём просит он – русский человек в безжалостном мире? «Проснусь среди ночи, как в детстве, луну отдышу / В замёрзшем окошке, и свет снизойдёт к изголовью... / У Господа я всепрощенья себе не прошу, / Я только молю, чтобы сердце наполнил любовью». «Мне такого народа не жаль! / И себя мне такого не жалко! / Я гордец, не умею молиться. / Я умею лукавить и красть. / Богородица скорбно глядит, / и свеча разгорается ярко... / Дай мне, Господи, остановиться, / чтоб в неверье своём не пропасть!»

«Благодать» и «преображение» – эти сложные понятия можно отнести к некоторым состояниям, озвученным в стихах Шемшученко. «И сдержать не смогу подступающих слёз, / Что приносят прозренью и очищенье. / Скоро вспыхнет звезда, и родится Христос – / Остальное уже не имеет значенья». Но поэт самокритичен и может смиренно констатировать несовершенство окружающих и себя самого относительно религии: «Вот и отшумело Рождество, / Утомив торговцев и таксистов. / Боже, маловерья моего / Хватит на десяток атеистов». Порой по-своему трактует отношение к добру и злу:

«Дьявольский смысл обретает / непротивления грех: / жизни на всех не хватает. / Смерти хватает на всех».

Автор знает, что гармония в земном мире, как и небесное царство, достигается усилием. И в своём творчестве сумел коснуться пределов души, где таятся воспоминания о том, что человек – образ Божий.

Марина Васильевна СТРУКОВА

родилась в Саратовской области.

Окончила Университет искусств (факультет станковой живописи),

МЭГУ (факультет литературы и русского языка).

Работала учительницей, корреспондентом, литературным редактором.

Выпустила три поэтических сборника: «Чертополох»,

«Солнце войны», «Серебряная пуля».

Публиковалась в изданиях: «Наши современники», «НГ-Exlibris»

«Роман-журнал XXI век», «Аврора», «Завтра», «День литературы» и других.

Дважды лауреат журнала «Наши современники»,

лауреат конкурса «Прекрасные порывы – 2010»,

дипломант конкурсов им. Есенина, «Эврика», «Нонконформизм – 2010».

Член Союза писателей России.

В «Севере» публикуется впервые.

